

Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 33–38.
Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 12. P. 33–38.

Научная статья
УДК 316.334
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.4>

Об ограничении экономической теории прав собственности в познании социальной природы собственности

Елена Евгеньевна Тарандо

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
elena.tarando@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>

Аннотация. В статье анализируется ограничение в познании социальной природы собственности, присущее экономической теории прав собственности. Этим ограничением является исходная предпосылка указанной концепции, состоящая в признании частной собственности единственно возможной и абсолютно эффективной формой. Обосновывается существование отношений общественной собственности в виде сферы движения социальных благ и их свойства неисключаемости, которое является сущностным. Описываются взаимопереходы общественной собственности в частную и частной – в общественную; последний связывается с понятием социализации собственности. Делается вывод о том, что экономическая теория прав собственности имеет свой познавательный потенциал только в отношении частной собственности и основанных на ней рыночных отношений. Все, что выходит за рамки указанного, экономическая теория прав собственности исследовать не в состоянии.

Ключевые слова: экономическая теория прав собственности, частная собственность, универсальность частной собственности, эффективность частной собственности, общественная собственность, общественные блага, неисключаемость

Для цитирования: Тарандо Е.Е. Об ограничении экономической теории прав собственности в познании социальной природы собственности // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 33–38. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.4>.

Original article

On the Limitation of the Economic Theory of Property Rights in Understanding the Social Nature of Property

Elena E. Tarando

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
elena.tarando@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>

Abstract. The paper examines the limitation in the cognition of the social nature of property inherent in the economic theory of property rights. This limitation is the original premise of the above concept, which is the recognition of private property as the only possible and absolutely effective form. The existence of public property relations in the form of a sphere of movement of social goods and their property of non-excludability, which is essential, is substantiated. The mutual transitions of public property to private property and private property to public property are described; the latter is associated with the notion of the socialization of property. The conclusion is drawn that the economic theory of property rights has cognitive potential only in relation to private property and market relations based on it. Anything beyond these relations cannot be investigated by the economic theory of property rights.

Keywords: economic theory of property rights, private property, universality of private property, efficiency of private property, public property, public goods, non-excludability

For citation: Tarando, E.E. (2022) On the Limitation of the Economic Theory of Property Rights in Understanding the Social Nature of Property. *Theory and Practice of Social Development*. (12), 33–38. Available from: [doi:10.24158/tipor.2022.12.4](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.4) (In Russian)

Особое значение в решении социально-экономических проблем имеют познавательные возможности научных теорий, при помощи которых возможно объяснить причины возникновения этих проблем и найти эффективные пути их решения. В современной социально-экономической литературе при анализе эффективности той или иной формы собственности принято обращаться к теоретико-методологическому инструментарию и наработкам экономической теории прав собственности. Между тем стоит понимать, что эта теория имеет определенные ограничения в познании современного социально-экономического пространства, сформированного функционированием отношений собственности. Поэтому целью данной статьи является анализ значимости такого ограничения, задаваемого одной из исходных предпосылок указанной теории. Оно обнаруживается с позиций марксистского подхода к исследованию социальной природы собственности.

Появление экономической теории прав собственности стало реакцией западной экономической науки на ограниченность неоклассического экономического анализа в изучении хозяйственной практики. В исследовательский процесс стали вводиться новые переменные величины, которые ранее рассматривались как константы, и среди них значимое место было отведено собственности, что сформировало отдельное институционально-социологическое направление исследования хозяйственной реальности в виде экономической теории прав собственности (Р. Коуз (Coase, 1960), А. Алчиан, Г. Демсец (Alchian, Demsetz, 1973) и др.).

В рамках этой теории предполагается, что частная собственность не является чем-то монолитным и однородным, что ей присуща внутренняя структура, способная в различных хозяйственных ситуациях менять свою конфигурацию и тем самым по-разному воздействовать на мотивацию хозяйствующих субъектов, формируя доступные предсказанию (за счет учета этой конфигурации) стратегии поведения участников экономического процесса. Таким образом, данная теория имеет ярко выраженную ориентацию на практику.

Вместе с тем для экономической теории прав собственности характерны некоторые теоретико-методологические основания, позволяющие очертить контуры возможностей понимания собственности как общественного явления в рамках данной теории.

Речь идет о прочно закрепленном в классической политэкономии и неоклассической экономической теории понимании собственности только как частной. Это положение стало исходной аксиомой и для экономической теории прав собственности, где субъект собственности всегда является частным – либо лицом, либо группой лиц, действующих согласованно единой коллективной волей. Причем в последнем случае отмечается неустойчивость такой группы в силу стремления каждого из членов группы максимально реализовать свой собственный интерес через участие в ней, то есть поглотить своим частным интересом интерес группы. В свою очередь общество лишается в таких теоретических построениях способности выступать как субъект собственности. Дело в том, что оно представляет собой крайне неоднородное социальное образование, которое в силу этой своей неоднородности не способно на согласованную единую волю. В связи с этим обществу нужен организующий его социальный институт, который бы выступал от лица всего общества, каковым является государство. Но когда мы говорим о государстве, то речь уже не идет об обществе, так как общество и государство не тождественны друг другу. И коль скоро именно государство, а не общество может четко формулировать и реализовывать свою волю, то речь идет именно о государственной, а не общественной собственности (Чудаев, Кармаев, 2015: 101). Поэтому уровневая система собственности представлена в экономической теории прав собственности в виде индивидуальной, групповой и государственной (Таранова, 2017: 25).

При этом в данной теории специально оговаривается конструкция общественной собственности, которая представлена как собственность всех. В этом случае постулируется, что если нечто принадлежит всем, то это значит, что оно не принадлежит никому. Свободный доступ к объекту собственности, по мнению теоретиков экономической теории прав собственности, означает ничейный характер этого объекта (Капелюшников, 1990: 32).

В таких рассуждениях скрывается грубая логическая ошибка, состоящая либо в незнании принципов диалектического взаимодействия общего и единичного, либо в специальном их игнорировании. В то же время логика взаимодействия общего и единичного предполагает, что общее укоренено и каждой из единичностей, составляющей это общее. И если нечто принадлежит всем, то это значит, что оно принадлежит каждому. Проблема здесь также существует, но она существует в плоскости того, как это общее довести до уровня каждой единичности, составляющей его, то есть как общественную собственность довести до уровня каждого конкретного человека. Речь идет о принципах и механизмах индивидуализации общественной собственности. Эта проблема возникает всякий раз, когда речь заходит об общественном достоянии. Так, например, в Советском Союзе декларировалась общественная собственность на средства производства, но в реальности она не имела действенных и эффективных механизмов своей индивидуализации. Более того, как показали исследования российских политэкономов в 90-х гг. XX века, при текущем уровне развития производительных сил не существует таких механизмов индивидуализации общественной собственности на средства производства, которые обеспечивали бы устойчивое функционирование этой формы собственности, а не эволюцию ее в различные варианты частной собственности.

Между тем интересен сам факт того, что в экономической теории прав собственности поднимается вопрос о такой собственности, которая принадлежит всем, то есть о собственности общественной, пусть даже она считается при этом ничтожной. Признание факта ее существования логически ведет к признанию факта существования ее субъекта, а именно всех, то есть общества. При этом принимается и аргумент относительно того, что все вместе не могут выработать единую волю относительно объекта собственности, поэтому возникает концепт государства. И если проанализировать его общие черты, то он оказывается очень близок к трактовке социально-экономической природы государства в марксизме. Отличие здесь будет в том, что в марксизме общественная собственность признается, а в экономической теории прав собственности – объявляется ничтожной.

Так существует ли в современных социально-экономических системах общественная собственность? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться не только к свойствам природы субъекта собственности, которые тщательно исследуются в экономической теории прав собственности, но и к свойствам природы объектов собственности, так как от них зависят характеристики отношений присвоения.

В современных социально-экономических системах существуют такие объекты собственности, которые по характеристикам их присвоения обладают свойством неисключаемости. Речь идет об общественных благах (оборона страны, охрана внутреннего порядка, экологические программы, услуги сфер образования и здравоохранения и мн. др.), которые на основе достижений в развитии методологии экономической и социологической наук получилось сначала обнаружить, а затем проанализировать с точки зрения их социально-экономической природы. Было выявлено, что, в отличие от частных, общественные блага обладают свойствами несоперничества (неконкурентности) в потреблении и неисключаемости.

Несоперничество в потреблении означает, что изменение количества потребителей ни в большую, ни в меньшую стороны не изменяет количество полезности, получаемой каждым таким потребителем. Оно остается стабильным. Таким образом получается, что увеличение потребителей данного блага повышает его общественную полезность. Частные блага ведут себя по-другому: чем больше у них потребителей, тем меньше при равномерном принципе распределения достается каждому из них (например, если торт делится на меньшее количество людей, то каждому достается кусок большего размера; если такой же торт делится на большее количество людей, то каждому достается кусок меньшего размера). При этом было выявлено, что свойством несоперничества общественные блага обладают именно в потреблении, на других стадиях их движения – производстве и распределении – действуют принципы, присущие и частным благам тоже (Градусова, Липатова, 2015: 94).

Несмотря на сущностную важность свойства несоперничества в потреблении, которое проявляют общественные блага, для исследования ограничения анализа социально-экономической реальности, которое присуще экономической теории прав собственности, большой гносеологический потенциал имеет сопряженное с несоперничеством свойство неисключаемости (неотчуждаемости). Оно определяется как отсутствие ограничений к доступу к объекту (ресурсу). При более глубоком анализе становится понятным, что данное свойство является производным от характеристик не только субъекта, но и объекта собственности. Общественные блага оказываются нематериальными, способными одновременно быть присвоенными многими субъектами, которые совместно извлекают пользу из них. И если характеристики субъекта хорошо изучены в экономической теории прав собственности, то свойства объектов собственности исследованы в этой теории достаточно однобоко. Внимание обращается лишь на такие объекты собственности (ресурсы), по отношению к которым возможна и эффективна спецификация прав собственности. Более того, именно она объявляется единственно эффективной процедурой для установления правового режима относительно всех объектов собственности. Другой режим, который упоминается в экономической теории прав собственности, – это режим ничейности. Этим постулирование частной собственности как единственно возможной формы собственности доводится до своего логического завершения, она объявляется наиболее эффективной в отношении как своего субъекта, так и всех объектов (Таранова, 2017: 26).

Между тем такой тезис зиждется на убеждении в том, что реализация интересов частного субъекта автоматически означает реализацию интересов всего общества (всех). Это убеждение было опровергнуто во второй половине XX века в социальной философии марксизма прежде всего на основании того, что общество является крайне неоднородным социальным образованием, при этом присвоение представителями одних социальных групп социально-экономических ресурсов предполагает отчуждение этих ресурсов от представителей других социальных групп. В этой ситуации речь не идет о реализации общественного интереса как интереса всех вместе и каждого члена общества в отдельности, то есть выигрыш одних не означает получение преимуществ для всех. Обоснование этого положения создало основу для понимания ограниченности частной собственности как системы исключений из доступа к тем или иным (не всем) ресурсам (объектам собственности). Таким образом, сложилось понимание существования явления неисключаемости, которой могут обладать те или иные блага, и того, что именно режим неисключаемости для этих благ будет более социально эффективным, нежели режим исключаемости, присущий частной собственности. Поэтому свойство неисключаемости как отсутствие ограничений в доступе к (общественному) благу имеет сущностное значение для понимания ограниченности познавательных возможностей экономической теории прав собственности, исходящей из постулата абсолютной эффективности и универсальности частной собственности.

Существование благ, обладающих свойством неисключаемости, означает, что в социально-экономических системах современных обществ есть ниши, в которых эти блага движутся, реализуя тем самым законы функционирования совершенно других отношений собственности, нежели таких, какие привыкли изучать последователи экономической теории прав собственности. Это законы функционирования таких благ, которые принадлежат всем, то есть каждому члену общества. Иными словами, речь идет об общественной форме собственности. При этом можно высказать предположение, что такие ниши имеются не только в современных социально-экономических системах, они были присущи всем обществам с момента начала формирования отношений частной собственности. Лишь в XX веке теоретико-методологический инструментарий общественной науки развился до такой степени, что с его помощью стало возможным обнаружить, изучить и объяснить существование таких благ, законы движения которых отличаются от всем привычных законов движения частных благ. Стоит надеяться, что еще будут проведены исследования как предшествующих стадий развития капитализма, так и предшествующих капитализму стадий развития общества на предмет существования в системах этих обществ элементов отношений общественной собственности с позиций текущего уровня развития методологии общественной науки.

Обнаружение в социально-экономических системах современных обществ ниш, в которых движутся общественные блага с их свойством неисключаемости, ставит вопрос о том, что даже тогда, когда первоначально общественная собственность в процессе исторического развития отрицается в частную собственность, эта общественная собственность не исчезает с исторической арены, а лишь оттесняется со своего доминирующего положения, занимая положение, подчиненное по отношению к собственности частной. Соответственно, частная собственность оказывается не единственно возможной, а лишь доминирующей в системе социально-экономических отношений, сочетаясь на различных уровнях общественной системы с элементами общественной собственности.

Это по-новому ставит вопрос о взаимоотношениях общественной и частной собственности. Так, принято считать, что в социально-экономической системе общества существует либо общественная, либо частная собственность. Такая постановка вопроса бытует еще со времен античной философии, в рамках которой были сформированы два направления исследования собственности – одно из них признавало общественную собственность в качестве основы самого справедливого общественного устройства, другое – отстаивало приоритет частной собственности в качестве самой экономически эффективной основы всей социально-экономической деятельности. В настоящее время такая постановка проблемы взаимоотношений общественной и частной собственности должна быть пересмотрена, и вместо формулировки «либо частная собственность, либо общественная собственность» должна быть признана формулировка «и частная собственность, и общественная собственность», то есть для каждой из этих форм собственности имеются свои социально-экономические ниши, в которых именно эта, а не противоположная форма собственности оказывается наиболее эффективной. Причем в расчет принимается не только экономическая, но и социальная эффективность, которая во многих случаях на основе ее опосредствующих связей с экономической эффективностью имеет потенциал развития для всей системы современного общества. Речь идет о том, что в социально-экономической системе современного общества доминирует частная собственность, но это доминирование дополняется функционированием общественной собственности, причем такое взаимоотношение частной и общественной собственности компенсирует недостатки обеих этих форм собственности, делая акцент на преимуществах каждой из них, поскольку и та, и другая формы собственности образуются, функционируют и развиваются именно в тех социально-экономических нишах общественной системы, в которых они (частная или общественная собственность) оказываются наиболее эффективными (Тарандо, 2017: 52–53).

В связи с вышеизложенным можно прийти к заключению, что общественная реальность гораздо сложнее, чем это представлено в экономической теории прав собственности. Вместо безальтернативного существования частной собственности имеется пестрая картина сочетания различных форм собственности, а именно частной и общественной. И эту разнообразную реальность экономическая теория прав собственности исследовать не в состоянии, причем именно движение общественной собственности, само сочетание частной собственности и общественной как дополнение ими друг друга и их взаимопереходы друг в друга. Не только общественная собственность становится частной в виде процессов приватизации, но и частная собственность может становиться общественной. И речь здесь идет не о процедурах национализации, а о естественно-исторических тенденциях превращения частной собственности в общественную, когда общественная система для своего дальнейшего существования и развития требует именно общественной собственности в тех или иных нишах социально-экономической системы, то есть именно общественная собственность оказывается эффективной в этих нишах в связи со сложившимися условиями общественного развития. Такой исторический переход частной собственности в общественную

связывается с понятием социализации собственности. Ярким примером его может служить становление систем общественного образования и здравоохранения, когда еще в XIX веке и образование, и здравоохранение были по преимуществу частными благами, но общественное развитие востребовало их как именно общественные блага, как достояние каждого члена общества (Малинина, Козловский, 2021: 282–283). Причем то, что ранее эти блага были частными, определило их бытие в современных обществах как смешанных общественных благ, то есть таких, которые не утратили способности превращаться в определенных условиях в частные блага. Поэтому они могут производиться и потребляться как на общественной, так и на частной основе.

В то же время познавательный потенциал экономической теории прав собственности оказывается достаточно высоким в тех случаях, когда речь идет о функционировании и эффективности частной собственности. Следует отметить успехи в применении этой теории к исследованию именно рыночных отношений, где экономическая теория прав собственности показала свою состоятельность в объяснении и предсказании поведения хозяйствующих субъектов, анализе эффективности хозяйственной деятельности на основе частной собственности. Именно это достоинство теории делает ее актуальной и в настоящее время, так как доминирующей формой собственности в современных общественных системах является частная, а рыночные отношения оказываются основой координации хозяйственной деятельности и лишь дополняются в определенных ситуациях нерыночными элементами такой координации, но не определяются ими.

В заключение хотелось бы подвести итог рассуждениям об ограничении экономической теории прав собственности в исследовании социальной природы собственности. Как и любая другая научная теория, экономическая теория прав собственности имеет свой познавательный потенциал и свои ограничения для познания общественной реальности. Потенциал этой теории связан с успешным исследованием функционирования частной собственности и основанных на ней рыночных отношений. То, что оказывается вне рамок рыночных отношений, экономическая теория прав собственности отказывается анализировать, объявляя об отсутствии в таких случаях каких-либо отношений собственности. Поэтому значимое ограничение этой теории зложено в исходной ее предпосылке, а именно в понимании частной собственности как универсальной и абсолютно эффективной. В то же время общественная реальность оказывается намного сложнее, допуская существование и общественной собственности тоже, которую экономическая теория прав собственности оказывается не в состоянии исследовать.

Список источников:

- Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Собственность на общественные блага и развитие трудового потенциала работника // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 91–96.
- Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990. 90 с.
- Малинина Т.Б., Козловский Н.В. Социологические подходы к определению и измерению качества жизни // Глобальный научный потенциал. 2021. № 4 (121). С. 278–284.
- Тарандо Е.Е. К вопросу об общественных благах и общественной собственности // Экономист. 2017. № 6. С. 49–53.
- Таранова О.А. Социология собственности: экономическая теория прав собственности об общественной форме присвоения // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.4>.
- Чудаев М.Е., Кармаев Н.А. Собственность: к вопросу о стимулирующей функции // Глобальный научный потенциал. 2015. № 6 (51). С. 100–104.
- Alchian A.A., Demsetz H. The Property Rights Paradigm // *Journal of Economic History*. 1973. Vol. 33, iss. 1. P. 16–27. <https://doi.org/10.1017/s0022050700076403>.
- Coase R.H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3, iss. 1. P. 1–44. <https://doi.org/10.1086/466560>.

References:

- Alchian, A.A. & Demsetz, H. (1973) The Property Rights Paradigm. *Journal of Economic History*. 33 (1), 16–27. Available from: [doi:10.1017/s0022050700076403](https://doi.org/10.1017/s0022050700076403).
- Chudaev, M.E. & Karmaev, N.A. (2015) Ownership: the Issue of Stimulating Function. *Global'nyi nauchnyi potentsial*. (6 (51)), 100–104. (In Russian)
- Coase, R.H. (1960) The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 3 (1), 1–44. Available from: [doi:10.1086/466560](https://doi.org/10.1086/466560).
- Gradusova, V.N. & Lipatova, L.N. (2015) Ownership of Public Goods and the Development of Labor Potential Employee. *Administrative Consulting*. (6 (78)), 91–96. (In Russian)
- Kapelyushnikov, R.I. (1990) *Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti (metodologiya, osnovnye ponyatiya, krug problem)* [Economic Theory of Property Rights (Methodology, Basic Concepts, Range of Problems)]. Moscow. 90 p. (In Russian)
- Malinina, T.B. & Kozlovsky, N.V. (2021) Sociological Approaches to Defining and Measuring the Quality of Life. *Global'nyi nauchnyi potentsial*. (4 (121)), 278–284. (In Russian)
- Tarando, E.E. (2017) K voprosu ob obshchestvennykh blagakh i obshchestvennoy sobstvennosti [On the Issue of Public Goods and Public Property]. *Economist*. (6), 49–53. (In Russian)
- Taranova, O.A. (2017) Sociology of Property: Economic Theory of the Property Rights on the Public Appropriation. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (12), 24–28. Available from: [doi:10.24158/spp.2017.12.4](https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.4). (In Russian)

Информация об авторе

Е.Е. Тарандо – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=448158

Information about the author

E.E. Tarando – PhD in Economics, Associate Professor, Professor, Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=448158

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.10.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.11.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.12.2022.